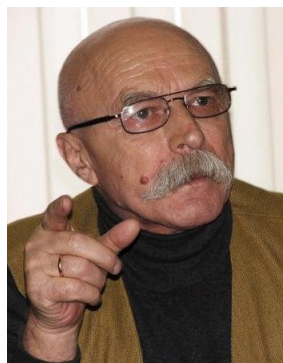

УДК 1; 009; 323,2

ФОН ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА В РОССИИ

Макаренко Виктор Павлович

Доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра политической концептологии Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: Vpmakar1985@gmail.com

В статье реконструированы основные темы, аргументы и выводы исследования А.Н. Олейника для развития общих посылок политической концептологии. Методологические процедуры используются для описания аналогий между советской, тотальной, колониальной и современной властью в России. Показано, что современное Российское государство не позволяет своим гражданам выйти за пределы воспроизводства тюремной модели.

Ключевые слова: современная Россия, общество незавершенной модернизации, тюремная субкультура, сходство советского и современного российского общества.

BACKGROUND OF POLITICAL CONTEXT IN RUSSIA

Makarenko Viktor P.

Doctor of Philosophical and Political Sciences, Professor, Honored Worker of Science, Director of Center of Political Conceptology of Higher School of Business, Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: Vpmakar1985@gmail.com

In the article the main themes, arguments and conclusions of A.N. Oleynik's study of development of common messages of political conceptology are reconstructed. The methodological procedures are used to describe the similarities between Soviet, total, colonial and modern power in Russia. It is shown that modern Russian state does not allow its citizens to go beyond the reproduction of the prison model.

Keywords: modern Russia, society of unfinished modernization, prison subculture, similarity of Soviet and modern Russian society.

На протяжении последних двух десятилетий Россия удаляется от советского социализма, но не приближается к западной демократии. Причины такого положения вещей породили обильную литературу. Мой отбор данной литературы подчинен двум критериям: общей посылке политической концептологии о необходимости дистанции в от-

ношении всех видов взаимосвязи власти и собственности, бюрократизации общества и государства, искусства внутренней дипломатии, интеллектуально-политических мод и ностальгии по советскому прошлому [2, с. 20–140]; развитию данной посылки в работе Б.А. Камкия, который уточнил мою концепцию бюрократии на основе использования выводов конкретно-социологических исследований современного российского общества [1].

Книга известного российского экономиста и социолога А.Н. Олейника удовлетворяет данным критериям. В ней общие теоретические рассуждения опираются на прочный фундамент всех конкретно-социологических методов анализа советского и постсоветского общества. Автор лично проводил исследование в нынешних российских тюрьмах и лагерях. Отсюда вытекает первая задача статьи – извлечь из книги А.Н. Олейника темы, аргументы и выводы, которые помогут развить общую посылку политической концептологии.

А.Н. Олейник исходит из общего положения: современное российское общество в целом – это общество незавершенной модернизации, для которого характерны отсутствие четких границ между сферами деятельности; персонификация отношений; несовершенные механизмы контроля насилия; дуализм норм. Указанные характеристики связаны со свойствами тюремного сообщества. По мнению А.Н. Олейника, анализ малого тюремного сообщества дает возможность познакомиться с основными элементами большого постсоветского общества.

На основе применения методов критической социологии и неoinституционализма А.Н. Олейник формулирует гипотезу о конгруэнтности неформальных норм в тюрьме, советском обществе, государственной власти в тюрьме и в обществе советского типа (т.е. современном российском обществе): институциональная структура тюремного сообщества конгруэнтна институциональной структуре общества советского типа, так как они обе включают в себя элементы, которые можно получить путем серии взаимных преобразований. Властные отношения в тюрьме и в обществе советского типа конгруэнтны, поскольку включают в себя модели принципала и агента. Это способствует превращению тюремной субкультуры в конституцию повседневной жизни в современном российском обществе [3, с. 32–35]. В результате снимаются различия между примитивными и современными, малыми и большими обществами: «Два рассматриваемых нами общества конгруэнтны не потому, что тюремный мир произведен от окружающего его общества, а потому, что они оба производны от одной и той же модели властных отношений» [3, с. 36].

Главное свойство этой модели – большая или меньшая степень навязанности власти обществу. А.Н. Олейник стремится с помощью методологических процедур перебросить мост между советской, тотальной, колониальной, и современной властью в России. Такой подход позволяет нам сформулировать вторую задачу статьи: использовать указанные процедуры для описания политического контекста современной России.

Еще одна оговорка касается пределов статьи. В книге А.Н. Олейника обсуждаются три крупные проблемы: тюремное сообщество в России; советское общество как «разорванное» общество с незавершенной модернизацией; сравнение нормальных обществ Запада с современным российским обществом на уровне институциональных изменений. В данной статье мы ограничимся обсуждением основных аспектов первой проблемы.

Главные характеристики тюремного сообщества

А.Н. Олейник дает сравнительный анализ пенитенциарных систем Франции, США и России на основе индекса тюремного населения (ИТН) страны (число заключенных на 100 тыс. человек населения)¹. ИТН России выше французского и американского. Отсюда вытекает: Россия – это страна, наиболее активно наказывающая граждан [3, с. 76–81]. Но, несмотря на миллионный контингент, тюремное сообщество остается малым с точки зрения социальной организации. Об этом свидетельствует анализ его социальной структуры на основе четырех критериев: дифференциация сфер деятельности, персонификация отношений, дуализм норм, институционализация насилия.

В России отсутствуют границы между частной и публичной жизнью. Экспансия публичности в ущерб автономии индивида идет по трем направлениям: жизненное пространство исключает сферу частной жизни; тотальный надзор; детальный контроль действий. Отсутствие гарантий защиты частной жизни придает смысл владению мел-

¹ В 1998 г. в тюрьмах Франции находилось 57 458 человек. ИТН – 90 заключенных на 100 тыс. человек населения, т.е. 0,23 % населения Франции находится за решеткой. Надзор и соблюдение порядка в тюрьмах обеспечивают 15 441 надзиратель, 1796 офицеров и 669 членов администрации. В 1997 г. ИТН США составлял 680 человек, значит 1,34 % населения США находится в заключении. Пенитенциарная система включает 1450 учреждений под федеральной юрисдикцией и юрисдикцией штатов, из которых 309 – тюрьмы строгого режима, 347 тыс. служащих, из которых 221 тыс. – надзиратели. Пенитенциарная система в России базируется на принципе массового заключения. Совместный принудительный труд на каторге, затем в лагерях принудительных работ объясняет сходство организации тюремного сообщества и работной артели в России. Российская артель включает в себя элементы тюремного сообщества: имплицитный контракт между ее членами, барьеры на выходе, эгалитаризм, система социальных санкций, правило «каждый должен вести себя понятным для других образом». Первые лагеря принудительных работ появились в России в 1918 г. Они стали основой создания ГУЛАГа в 1934 г. В конце 1990-х гг. ИТН в России был равен 730, т.е. 1,42 % активного населения России находится за решеткой.

кими вещами. По этой причине символом независимости становится содержание прикроватной тумбочки. В тюремном аргю существует выражение: жить по принципу «я и моя тумбочка» [3, с. 86]¹.

В досоветское, советское и постсоветское время не исчез идеологический и пропагандистский шаблон, согласно которому Россия отличается от стран Европы коллективизмом. Однако социологическое исследование опровергает этот шаблон². Поэтому тезис о российском коллективизме ложен. В большом обществе отношения строятся на позиционной и ролевой основе. В тюремном сообществе все социальные связи носят локальный, персонифицированный, межличностный характер. На этой основе возникает репутация³. Однако преимущества персонифицированных отношений превращаются в недостаток, едва заходит речь о коллективных действиях и коллективном сознании [3, с. 91–95]⁴. Поэтому персонифицированные отношения блокируют солидарность между индивидами.

Личная репутация заключенного фиксирует его принадлежность к одной из неформальных категорий, на основе которых строятся иерархия и автономность тюремного сообщества. А.Н. Олейник детально описывает генезис неформальных категорий, структурирующих жизнь в тюрьме⁵. В современных российских лагерях и тюрьмах суще-

¹ Кроме того, во Франции существует правило, согласно которому надзиратель не должен знать характер совершенных осужденными преступлений и распространять эту информацию среди остальных осужденных. В советских колониях информация о преступлении фиксируется в тетрадях индивидуальной работы с осужденными, которые находятся в кабинете начальника отряда, доступ к которому имеют завхоз, дневальные, бригадиры. Содержание записей в этих тетрадях становится известным. Знание деталей совершенного каждым преступлением иллюстрирует отсутствие границ между частной и публичной жизнью в советской тюрьме.

² В 1998–1999 гг. был проведен социологический опрос, в котором ставились вопросы «На чью помощь в трудных жизненных ситуациях вы рассчитываете в первую очередь?» и «От кого в последнее время вам приходилось получать помощь в трудных жизненных ситуациях?». Во Франции надеются только на себя 47 %, на родственников – 57, на государство – 1,7, на администрацию – 27 %. Реальную помощь получают соответственно 26, 52, 0 и 16 %. В России цифры таковы: 71, 28, 1 и 3 %, а реальную помощь получают 19, 46, 1 и 4 %.

³ Репутация в тюремном мире объясняется цепями личных знакомств и частотой их пересечения. Достаточно знать одного заключенного, находящегося в данный момент в интересующей вас колонии, чтобы через его связи собрать информацию о любом другом заключенном из той же колонии. Система «лагерное радио» означает поиск информации с помощью писем, которые передаются тайно через этапы, постоянно идущие из одного региона в другой.

⁴ Ответы на вопрос «Что вы понимаете под солидарностью?» показывают, что солидарность слабеет по мере роста расстояния (в социальном и физическом смысле) между потенциальными участниками солидарных действий. Заключенные не готовы брать на себя ответственность за все, что не укладывается в рамки локальных, персонифицированных отношений [3, с. 91–95].

⁵ *Крысы* передают информацию надзирателям. *Прогибщики* усваивают ценности, нормы, стереотипы администрации. *Гориллы* применяют грубую физическую силу для получения интересующих их вещей. *Шакалы* применяют силу только по отношению к тем, кто не может сопротивляться. *Торговцы* всегда ищут выгоду даже вопреки солидарности. *Рыбы* – это новички, не знакомые с правилами тюремной жизни. Пассивные гомосексуалисты называются *проститутками* (которые были силой обращены в пассивных гомосексуалистов) или *пидорами* (кто не скрывал своей гомо-

ствуют всеобщие категории, на которых основывается малое тюремное сообщество. В целом оно состоит из блатных, мужиков и шестерок.

Блатные – это носители тюремной субкультуры как альтернативы норм администрации. Они сохраняют верность неформальным ценностям и нормам даже тогда, когда за это приходится страдать и нести жестокие наказания.

Мужики стремятся сохранить независимость по отношению к администрации и блатным. Мужики считают труд главным и единственным способом решения проблем и основой чувства солидарности. Настоящий мужик – это второе звание после вора.

Изгои тюремного сообщества объединяются термином масти. Они не имеют права гражданства в тюремном мире, исключены из социальной жизни и вынуждены ограничивать общение кругом таких же изгоев. Представители мастей составляют от нескольких человек до нескольких десятков процентов всего контингента тюрем. В последние десятилетия произошли резкий рост и инфляция представителей этой категории¹.

Строго иерархическая структура неформальных категорий, их опора на персонифицированные отношения, бескомпромиссный характер норм взаимодействия между представителями каст позволяют сделать вывод о традиционной природе тюремного сообщества. Но сводится ли оно полностью к традиционному или традиция является лишь одним из его элементов? – ставит вопрос А.Н. Олейник. Дело в том, что инициация новичка в тюремную жизнь подобна ритуальным обрядам в традиционных обществах, в которых новичок вынужден пройти все основные этапы эволюции малого общества, познакомиться со значением неформальных норм, категорий и поведенческих образцов. Инициация

сексуальной ориентации и до попадания в тюрьму). *Отморозки* проявляют полное презрение к администрации и целиком отрицают официальные нормы. *Гангстеры* конфликтуют не столько с администрацией, сколько с остальными заключенными. *Настоящие мужики* самодостаточны, не желают подчиняться никому, но открыто с надзирателями не конфликтуют [3, с. 97–99].

¹ *Козлы* (или *дятлы*) открыто сотрудничают с администрацией и передают ей всю информацию. Взамен они получают поблажки и поддержку администрации в организации повседневной жизни. *Козлы* иллюстрируют конфликт между персонификацией отношений и общим характером неформальных категорий. Попасть в актив считается хорошо, поскольку «нету плохих должностей, есть плохие люди». *Барыги* – это осужденные за экономические преступления и организаторы актов купли-продажи в тюрьме. В иерархии они стоят ниже мужиков. *Фуфлыжники* не могут или не хотят платить карточный долг (гонят фуфло). Понятие долга в тюрьме считается сакральным, а отказ вернуть долг влечет за собой исключение из социальных взаимодействий. *Фуфлыжник* хуже педераста. Он способен на любую пакость и гадость. *Чертями* называют заключенных, которые не держат себя в порядке и не соблюдают правила личной гигиены. *Крысами* называют мелких воров, ворующих даже в тюрьме. *Петухи* были насильно превращены в пассивных гомосексуалистов в качестве наказания за серьезные преступления с точки зрения тюремной морали (насилие над детьми, предательство, рецидивное воровство у заключенных). Петухи многочисленны и занимают самую низкую позицию в иерархии. С петухами запрещены социальные и физические контакты (совместное потребление продуктов), которые влекут за собой *заражение*. Зараженный человек «деклассируется» и переходит в низшую категорию.

в тюремную субкультуру тоже происходит один раз, в момент первого попадания в тюрьму, обычно в несовершеннолетнем возрасте, когда начинается «карьера» большинства рецидивистов¹. Поэтому иерархическая структура тюремного сообщества переплетена с инициацией.

В целом подтверждается гипотеза о тюремном сообществе как амальгаме традиционной и проектной сфер. Категории тюремного населения не исключают ни традиционной, ни проектной интерпретации. Но в малом обществе невозможно достичь компромисса традиционного поведения с действиями, ориентированными на «проект» [3, с. 98–103].

Массовое заключение нуждается в появлении категории людей, которые организуют повседневную совместную жизнь за решеткой. Контроль за порядком осуществляют надзиратели. До Октябрьской революции 1917 г. существовали камерные старосты, которые избирались всеми заключенными. Задача камерных старост заключалась в представительстве интересов заключенных и взаимодействии с администрацией. В первые после революции годы этот институт был сохранен, однако уже в 1930-е гг. администрация ввела свое право вето на кандидатов в старосты. В 1938 г. выборы старост были отменены, администрация стала их назначать без консультаций с заключенными. Такой порядок существует до сих пор, несмотря на многократные кампании критики сталинского режима.

А.Н. Олейник детально изучил связь сталинского режима с генезисом лагерей принудительных работ и появлением института воров в законе. Этот противоречивый термин объясняется особенностями формирования института. С одной стороны, ворами в законе становились представители воров-урок, известных своею смелостью и жестокостью. С другой стороны, в названии отражены функции по поддержанию порядка на основе воровского закона – совокупности неформальных норм, лежащих в основе блатной культуры. Вory в законе сами обычно не нарушают Уголовный кодекс, предпочитая нарушать его чужими руками².

¹ Колонии для несовершеннолетних имеют плохую репутацию по причине жесткого контроля за жизнью несовершеннолетних, а также из-за испытаний – «прописок», которые каждый новичок обязан выдержать. В официальном русском языке пропиской назывались процедуры получения разрешения на жительство в новом месте, особенно сложные и жестокие до сих пор в Москве, несмотря на многочисленные решения судов в пользу их отмены. Догадаться о смысле «прописки» невозможно. Либо ты не в первый раз в тюрьме и знаешь смысл испытания, либо ты новичок и ничего не смыслишь. Либо право на гражданство в тюремном сообществе подтверждается, либо ты остаешься чужаком, «иностранцем».

² Существует гипотеза: вory в законе пользовались поддержкой работников ОГПУ, которое через воров влияло на ситуацию в пенитенциарных учреждениях. Она подтверждается *сходством* между рекомендациями ОГПУ по работе с представителями криминального мира и нормами воров в законе: отказ от любых политических требований; первые слова воровской клятвы напоминают первые строки клятвы членов КПСС: «Я как настоящий пацан, вступая в ряды воров...».

Двойственная природа института воров в законе состоит в следующем. С одной стороны, они являются носителями ценностей и норм тюремной субкультуры как полного отрицания официальных «правил игры». В кодекс воров в законе входят следующие нормы: жизнь вне интересов официального общества; отказ служить государству (в том числе в армии), каким бы ни был политический режим; никогда не работать своими руками; способность адаптироваться к любым обстоятельствам; жестокость в отношении предателей; честность и порядочность в отношениях с другими ворами в законе, взаимоподдержка; презрение к любой собственностью; обширные связи в воровском мире. Вор ничего не имел, должен был жить за счет арестанта, не имел права жениться, потому что тогда о семье он будет думать больше, чем об арестантах. Запрет на устойчивые социальные связи за пределами тюремного сообщества стал источником трений. В 1960–1980-е гг. вспыхнул конфликт между русскими и кавказскими ворами в законе. Первые считали невозможным нарушать запрет на создание семьи, последние видели в создании семьи залог успеха в криминальной деятельности [3, с. 108].

С другой стороны, административные ресурсы в тотальном институте обширны и важны. Поэтому всегда существует соблазн претендовать на использование хотя бы их части для организации повседневной жизни за решеткой. После Второй мировой войны явно проявилось противоречие между отказом и выгодой от сотрудничества с администрацией. В начале войны воры в законе были поставлены перед выбором: согласиться взять оружие и идти на фронт или быть расстрелянными по законам военного времени. Некоторые воры в законе взяли в руки оружие и даже были награждены орденами и медалями за ратные подвиги. Но их возврат в тюрьмы после войны совпал с беспрецедентным ужесточением наказаний за кражи. Это привело к рождению в 1948 г. в пересыльной тюрьме г. Ванино нового воровского «сучьего закона»: отныне снимались ограничения на сотрудничество с администрацией [3, с. 109]. Принявшие новую веру воры в законе становились «суками», получая взамен доступ к должностям завхозов, бригадиров, нарядчиков и прочих ранее презираемых категорий¹.

¹ Ритуал инициации в новую веру был придуман лидером «сук» Королем. Многие моменты этого ритуала имеют сходство с античными ритуалами в описании Ренэ Жирара. Надо было вынудить «ортодоксов» (воров старых убеждений) пройти все те этапы, которые в свое время прошли «суки». «Обряд перехода в новый воровской закон – поцелование ножа или смерть. Король поставил всех своих старых довоенных друзей в те же условия – жизнь или смерть, в которых он, Король, струсил, по мнению воровских “ортодоксов”. Пусть теперь они сами покажут себя. Условия – те же». Попытки ввести новый закон в действие сопровождала серия кровопролитных войн. «Ортодоксы» предприняли ответные действия и не позволили «сучьему» закону стать новой конституцией тюремного сообщества [3, с. 109].

Двойственный характер отношений между ворами в законе и администрацией не меняет вывода об организаторской роли воров в рамках тюремного сообщества. Свидетельства и предания тюремного фольклора показывают, что власть воров в законе никогда не ограничивалась тюремными стенами и проволочными ограждениями: они правят криминальным миром за пределами тюрьмы. Поддержание порядка и справедливости в тюремном и криминальном мире должно быть главной заботой воров в законе. Этот порядок основывается на совокупности норм тюремной субкультуры, воспроизводство и адаптация которых к меняющимся условиям относятся к компетенции воров в законе.

Список задач, которые решаются ворами в законе, включает принятие новых норм с учетом существующих прецедентов в ходе собраний (сходок) воров в законе, организуемых на локальном, региональном и национальном уровнях; организацию сходок; обеспечение правосудия; пропаганду криминального образа жизни; организацию общака и распределение собранных средств; материальную помощь нуждающимся заключенным; организацию налогообложения субъектов теневой экономики; организацию собственной контрразведки и сбор информации о ситуации в тюремном и криминальном мире; обеспечение контактов с внешним миром [3, с. 110].

В СССР число воров в законе никогда не превышало нескольких тысяч по причине высокого уровня требований к кандидатам и сложности процедуры «коронования». Если блатной желает стать «коронованным» вором в законе, ему нужно с честью пройти все испытания; заручиться рекомендацией не менее двух воров в законе, которые несут ответственность за действия своего протеже на протяжении всей его криминальной карьеры; получить одобрение сходки.

В начале 1950-х гг. насчитывалось около 3500 воров в законе (на многомиллионный контингент заключенных), в 1980-е гг. их число сократилось до 600, в начале 1990-х гг., после распада СССР, в России действовало около 300 воров в законе. Небольшое число воров в законе в масштабах тюремного мира объясняет тот факт, что они никогда не оказывали решающего влияния на повседневную жизнь заключенных. «Только четверо или пятеро из более чем 50 наших собеседников, – пишет А.Н. Олейник, – лично встречались с одним или несколькими ворами в законе. В итоге задача организации повседневной жизни заключенных оставалась нерешенной» [3, с. 111].

Эстафета в ее решении была передана авторитетам и смотрящим, имеющим практически те же полномочия, что и воры в законе, но не обязанным проходить через процедуру «коронования». Авторитетов намного больше, чем воров в законе (примерно 10–20 тысяч на один-два

миллиона заключенных). Основной груз обязанностей по организации повседневной жизни в заключении несут на себе смотрящие. В каждой камере следственных изоляторов (от 6 до 150 подследственных лиц), отряде (от 40 до 120 осужденных), бараке (от 80 до 400 осужденных), колонии (от 800 до 3000 осужденных), сфере деятельности в тюрьме (столовая, карточные игры и т.д.), городе и крупном поселке есть свой смотрящий. Ранги таковы: на уровне страны/региона – это вор в законе; на уровне региона/колонии – авторитет; на уровне города/колонии – положенец; на уровне отряда, сферы деятельности – смотрящий.

А.Н. Олейник анализирует семантический смысл института смотрящих и его значение с точки зрения бюрократической мобильности¹. Смотрящий персонифицирует, олицетворяет собой порядок в сообществе заключенных. Представители неформальной ветви власти обеспечивают заключенным поддержку и защиту в повседневной жизни. В тюрьме нелегальная власть имеет сходство с легальной. Невмешательство представителей неформальной власти в критических ситуациях, их отказ играть активную роль в организации повседневной жизни описываются словом «беспредел». Сегодня смотрящие присутствуют в тюремном мире всех постсоветских республик.

Обязанности смотрящего таковы: осуществление правосудия (он играет роль посредника в конфликтах, возникающих в среде заключенных); организация общака и распределение ресурсов; организация сбора информации обо всех происходящих в тюрьме событиях. А.Н. Олейник сравнивает этот список с функциями воров в законе и отмечает их схожесть. Единственное отличие заключается в том, что «законодательные» функции в тюремном и криминальном мире явля-

¹ Синонимами глагола «смотреть» являются «наблюдать», «присматривать», «надзирать». Смотрящий – это человек, призванный присматривать за порядком в повседневной жизни заключенных. У заключенных часто возникают ассоциации смотрящих с надзирателями. Ссмотрящие появились недавно, до 1985 г. их не было. Большинство заключенных старой закалки относится к смотрящим скептически. Это объясняется тем, что в отличие от воров в законе и авторитетов смотрящие необязательно принадлежат к категории блатных, они могут представлять и другие категории (мужиков и даже масти). Обычно в смотрящие попадают двумя способами: 1. В колониях смотрящего за зоной назначает вор в законе или авторитет, живущий в том регионе, где находится колония. Авторитет назначает смотрящего из числа лиц, которых он знает и которым доверяет. Ссмотрящий за зоной назначает смотрящих за бараками, столовой, баней, отрядами. Вор или авторитет несут ответственность за действия смотрящего и контролируют его успехи в поддержании порядка. Контроль принимает форму инспекционных проверок, устраиваемых ворами и авторитетами. Положенец отвечает за действия нижестоящих смотрящих. Ссмотрящий должен ставить положенца в известность о любом значимом событии или решении. 2. Выборы, в которых участвуют все заключенные, за исключением мастей и петухов. В любом случае назначение смотрящего сверху не исключает подтверждение его полномочий снизу. Конфликты по этому поводу возникают редко, так как положенец предлагает на должность смотрящего кандидатов, которые имеют хорошую репутацию и пользуются поддержкой в среде осужденных.

ются исключительной прерогативой воров в законе. Повседневная жизнь в тюрьме связана с активной ролью смотрящих [3, с. 113–116].

Подчеркнем несколько моментов, зафиксированных А.Н. Олейником:

- в советскую эпоху большинство воров в законе были русскими или выходцами с Кавказа;
- в 1980-е гг. между ними вспыхнул конфликт относительно сферы соблюдения воровских законов;
- выходцы с Кавказа предпочли синтез воровских законов с нормальной жизнью и занятием административных должностей в тюремном сообществе;
- особенно явным стало присутствие смотрящих с 1991–1994 гг.

Не следует ли отсюда, что нынешняя ситуация в России есть следствие указанных процессов?

При ответе на данный вопрос можно исходить из дуализма норм и оценок. А.Н. Олейник зафиксировал асимметрию прав и обязанностей как главное условие стабильности тюремного порядка. Каждая категория заключенных имеет свои специфические права и обязанности. Соответствие между правами и обязанностями является исключением, а не правилом. Поведенческие нормы у каждой касты свои, не совпадающие с понятиями остальных каст. Порядок и стабильность базируются на всеобщем согласии с асимметрией прав и обязанностей. Тюрьма учит попадающего в нее человека умению знать свое место. В противном случае невозможно правильно понимать события, намерения и действия окружающих. В этом контексте возникает множество «конституций» повседневной жизни, а не одна конституция для всех членов тюремного сообщества. Мужики живут по своим понятиям, воровы в законе – по своим, особые нормы регулируют отношения между представителями различных категорий.

Отсюда вытекает дуализм норм, регулирующих взаимоотношения внутри сообщества воров и между ворами и представителями других категорий. С одной стороны, абсолютная честность и порядочность являются правилами внутри воровского сообщества. С другой стороны, во взаимоотношениях с остальными разрешено все, что способствует укреплению авторитета воров. Традиционная философия блатных предполагает, что все заключенные разделяются на две группы. Человеческие права признаются лишь за теми, кто относится к блатным и живет по законам этой касты. Другие заключенные носят уничижительное звание фраеров. Ложь, обман, провокация по отношению к фраеру – закон блатного мира. Фраер и создан для того, чтобы его обманывали и убивали. Именно водораздел между блатными и остальными заключен-

ными объясняет двойственность оценок, которые заключенные показали в ответах на вопрос о своей способности влиять на решения, принимаемые в тюремной среде и напрямую затрагивающие их интересы¹.

Общий вывод А.Н. Олейника таков: тюремный мир не является единым, целостным и однородным. Хотя он представляет собой малое общество, оно распадается на множество еще более мелких сообществ. Следовательно, значимость и действительная величина общества определяются принципами его организации и внутреннего функционирования, а не размерами населения. Большое общество может существовать только при наличии универсальных норм, действующих в отношении всех граждан, независимо от их социальной принадлежности и места в иерархии [3, с. 117–122].

Проблема насилия в тюрьме рассматривается А.Н. Олейником в контексте нескольких тем: концепции насилия; особенности легальной власти; нелегальные методы регулирования насилия; отсутствие нормативных рамок деятельности как источник насилия. Сделаем краткое резюме этого фрагмента.

В современных обществах существование тюрьмы объясняется процессом институционализации насилия государством. Государство монополизировало насилие, тюрьма – это материализация монополии на насилие. Однако в постсоветских обществах тюрьма как материализация монополии на насилие требует корректировки, поскольку в данных обществах не сформированы механизмы, обеспечивающие верховенство закона. С одной стороны, тюремно-лагерная администрация не всегда действует строго в рамках закона, обладая значительной степенью свободы в повседневных действиях. Поэтому заключенные справедливо воспринимают власть как враждебную. С другой стороны, массовая модель заключения создает условия для постоянной генерации насилия внутри тюремных стен. Внутритюремным насилием обычно управляют с помощью поиска козла отпущения, что противоречит принципам институционализации насилия. Иначе говоря, насилие ни в легальных, ни в нелегальных формах в советской тюрьме полностью не институционализировано.

Тюрьма – это энциклопедия насилия. Но в большинстве дискурсов о тюрьме данный факт игнорируется. Даже статистические данные вроде бы подтверждают низкий уровень насилия и жестокости: уровень зарегистрированной преступности в местах исполнения наказаний составлял в 1995 г. 3,67 преступлений на 1000 заключенных, тогда как в российском обществе в том же году этот уровень был в восемь

¹ Около половины опрошенных заключенных (43 %) думают, что они способны влиять на эти решения, тогда как другая половина (43,5 %) убеждена в обратном.

раз выше – 29,92 на 1000 человек активного населения. Как объяснить эту сознательную или спонтанную, статистическую или дискурсивную слепоту, отказ признать за тюрьмой жестокий и насильственный характер? – ставит вопрос А.Н. Олейник.

Прежде всего он предлагает исключить гипотезу символического насилия, согласно которой переход от грубых методов принуждения к косвенным может создать впечатление отсутствия жестокости и насилия. С точки зрения критической социологии игнорирование жестокого характера тюрьмы может произойти лишь при условии усвоения внешними наблюдателями тюремных норм и ценностей. Отсюда вытекает правило: чем меньше общество интересуется тюрьмой вообще и легальным и нелегальным насилием в тюрьме в частности, тем меньше расстояние, которое отделяет это общество от тюремного [3, с. 126].

Альтернативный подход объясняет игнорирование жестокого характера тюрьмы спецификой институционального контекста. Одно и то же действие может рассматриваться как насильственное в обычной жизни, а в тюрьме оно приобретает привычный характер. Насилие никогда не принимает объективный характер уже потому, что восприятие жестокости во многом предопределяется временем и местом. Многочисленные исследования субъективного ощущения опасности, страха подтверждают гипотезу: не существует прямой зависимости между характеристиками действия и его восприятием как насильного. В жестокой среде человек вынужден поднимать планку своей чувствительности к насилию, подобно тому как смерть и страдания во время войны теряют свой исключительный и потому требующий сострадания характер. Неадекватное восприятие насилия характерно не только для жизни в тюрьме, но и в постсоветском обществе в целом. Массовое заключение порождает значительно больше конфликтов, чем тюремная камера, поскольку десятки и сотни заключенных вынуждены сосуществовать на ограниченном пространстве, организация которого снимает границу между частной и публичной жизнью.

Институциональное решение микроконфликтов в тюремной среде невозможно по двум причинам:

1. Акцент на обеспечении безопасности исключает желание надзирателей вмешиваться во все конфликты между заключенными. Они вмешиваются лишь в случае принятия конфликтами серьезного оборота, который ставит под сомнение эффективность усилий по поддержанию порядка в тюрьме. Следовательно, надзиратели недооценивают перспективы эскалации конфликтов между заключенными.

2. Существование каст и категорий заключенных препятствует институционализации конфликтов, так как это исключает одинаковое

отношение к сторонам конфликта и поиск справедливого решения, не зависящего от их легальной и нелегальной групповой принадлежности. Некоторые категории превращаются в «привилегированные» объекты насильственных действий, служа громоотводом для генерируемой повседневной жизнью в тюрьме агрессивности. Иначе говоря, логика поиска козла отпущения объясняет специфику управления насилием. Микроконфликты становятся постоянным источником насилия, управление которым осуществляется нецивилизованными способами.

Массовое заключение порождает инфляцию повседневных конфликтов. Ни социальная структура, ни специфика властных отношений не позволяют их институционализировать. Насилие во всех его формах становится неизбежным. Повсеместный характер насилия препятствует его адекватному восприятию: внимание привлекают лишь из ряда вон выходящие по своей жестокости события. В обычной ситуации насилие физическими действиями, словами и даже жестами воспринимается как преступление, а в тюрьме оно становится обыденным. Поэтому тюремная модель восприятия и управления насилием остается верной в отношении постсоветского общества. Сродство тюремного сообщества и советского общества объясняется сходством принципов их социальной организации [3, с. 125–129].

Навязанный характер легальной власти – основное препятствие к использованию цивилизованных методов контроля над насилием. А.Н. Олейник анализирует три аспекта функционирования тюремной администрации:

1. Она обладает всевластием на всем пространстве, ограниченном тюремными стенами: надзиратели могут вмешиваться в любой момент повседневной жизни заключенных. Директор колонии выступает в роли хозяина, что иллюстрирует тезис о способности легальной власти навязывать без всяких ограничений свою волю заключенным. Легальная власть может создать для неугодного заключенного непереносимые условия и значительно облегчить тяготы тюремной жизни для того, кто ей полезен. Социологическое исследование, проведенное в 317 американских тюрьмах, показало всеобъемлющую роль администрации в повседневной жизни заключенных. Его результаты подтверждают теорию административного контроля, согласно которой массовые беспорядки возникают в результате нестабильного, непоследовательного и неэффективного руководства.

2. Всевластие администрации практически не ограничено рамками закона. Легальная власть в тюрьме обладает большой степенью свободы даже в западных странах, где существуют механизмы внешнего контроля за действиями администрации, включая систему взаимного контроля различных институтов государства и гражданского об-

щества. «Не только отсутствуют четкие, установленные законом рамки профессиональной деятельности надзирателей, на основе которых осуществлялся бы выбор средств контроля за контингентом заключенных, но и зачастую можно говорить о прямом игнорировании или нарушении тех или иных нормативных актов» [3, с. 131]. Единственным методом, позволяющим лишить действия администрации характера вседозволенности, следует признать ее подчинение другой тотальной власти. Лагеря принудительных работ сталинской эпохи служат хорошей иллюстрацией к данному тезису. В ГУЛАГе вседозволенность администрации была ограничена. Если пенитенциарная администрация действует в другом институциональном контексте, то нельзя исключить ее оппортунизм. Более того, в случае централизованной, но не тотальной власти агенты центральной власти получают дополнительную степень свободы. Высокие издержки контроля за действиями агентов и сложность задач, исполнение которых требуется контролировать, делают неизбежным использование верховной властью стратегии «закрывать глаза» на оппортунистическое поведение агентов. Государству выгодно не вмешиваться в действия исполнительных органов, а их руководителям – отказаться от жесткого контроля за действиями рядовых исполнителей.

3. Для повседневной деятельности надзирателей тоже характерен дуализм норм тюремной субкультуры. Представители администрации воспроизводят модель малого общества и живут по понятиям тюремной субкультуры, с которой пытаются бороться [3, с. 130–133].

Для деятельности и сознания тюремной администрации характерны дуальные нормы. С точки зрения надзирателей, есть две категории людей: нормальные люди и заключенные. Государство дает полную автономию администрации во всех вопросах обращения с заключенными. Издевательства, оскорбления, побои, рэкет становятся приемлемыми для надзирателей в их отношениях с «чужими», т.е. с заключенными. В каждой колонии процветает подпольное производство, которое дает повод для рэкета заключенных представителями администрации¹. Хотя подпольное производство запрещено в тюрьме, администрация либерально относится к этому черному рынку. Разгадка либерализма проста: подпольное производство обеспечивает представителей администрации дополнительными доходами от теневого «налогообложения» различных видов запрещенной деятельности.

¹ Практически в каждой колонии заключенные подпольно делают предметы домашнего обихода (хлебницы, разделочные доски, ручки), сувениры (шахматы, нарды), ножи, иногда даже огнестрельное оружие (пистолеты ПМ). Результаты подпольного производства продаются и обмениваются в среде заключенных. А через надзирателей и вольных мастеров на производстве подпольная продукция попадает и за пределы колонии.

Насилие и жестокость превращаются в норму обыденного поведения, становятся средствами достижения легальных целей – дисциплинированности и исполнительности заключенных. Отсутствие должного контроля за действиями надзирателей – необходимое условие превышения ими власти, а дуальный характер норм – достаточное. Представители администрации подчеркивали в разговорах свою готовность выходить за рамки насилия, разрешенного законом. Начальник отряда заявлял о своей готовности поставить их на место любыми средствами. При этом он использовал слоган «мочить в сортире», с помощью которого точно схвачена специфика борьбы без жалости и без правил.

С одной стороны, всевластие администрации и детальный контроль всех аспектов повседневной жизни в тюрьме объясняют полную и одностороннюю зависимость заключенных от администрации. С другой стороны, превышение власти и отношение к заключенным как к «чужим» обуславливают отказ признания легитимного характера легальной власти. Полная зависимость от власти, совмещенная с тотальным ее отторжением, является ключом к пониманию специфики функционирования тюремного мира и постсоветских обществ [3, с. 133–138].

Источником насилия является беспредел – отсутствие нормативных рамок деятельности. А.Н. Олейник считает, что аргумент о взаимосвязи между беспределом и постоянно меняющимся контингентом можно использовать также для объяснения ситуации в Российской армии. Военная служба длится два года, за это время солдаты от двух до десятка раз меняют подразделения. Правило «где сила, там и право» сближает тюремный беспредел с армейской дедовщиной.

Борьба легальной власти против тюремной субкультуры приводит к неожиданному результату: заключенные, лишённые возможности использовать нелегальные механизмы разрешения конфликтов, в то же время отказываются использовать и легальные, из нормативного вакуума и возникает беспредел. Администрация часто поддерживает бугров – представителей осужденных, призванных командовать остальными и следить за дисциплиной. Желая уменьшить влияние блатных, администрация дает в руки бугров практически неограниченную власть и право добиваться дисциплины физической силой. Вместо подчинения закону руководство колонии способствует беспределу.

Вероятность беспредела велика в больших пенитенциарных учреждениях: по мере роста размеров колонии и увеличения числа участников взаимодействий механизмы контроля за насилием, действующие в рамках маленького общества, становятся неэффективными. Беспредел является ценой, которую вынуждены платить все жи-

вущие в малом обществе за свою неспособность трансформировать его в большое [3, с. 145–150].

Таким образом, сравнительный анализ пенитенциарных систем показал, что социальная организация постсоветских тюрем сильно контрастирует с принципами социального обустройства тюрем Франции и США. Это не значит, что социальная жизнь осужденных в указанных странах носит легальный характер. Но для описания тюремной среды в них невозможно применить выработанные для изучения тюремной субкультуры в России аналитические рамки – отсутствие границ между сферами повседневной деятельности, персонификация отношений, несовершенство управления насилием, дуализм норм [3, с. 194].

Выводы

В предисловии к французскому изданию книги «Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти» известный социолог А. Турен отмечает, что исследование тюрьмы – зеркало российского общества в целом. Ни сверху, ни снизу Российское государство неспособно играть активную роль в организации социальных практик. На протяжении 1990-х гг. организующую роль в обществе начали выполнять воры в законе и смотрящие. Сферы частной и публичной жизни в маленьком обществе оказываются смешанными. Отношения официальной власти сводятся к межличностным, персонифицированным, принимающим форму заботы об общем благе.

А. Турен считает, что проведенный А.Н. Олейником анализ особенно оригинален при сравнении с трудами М. Фуко и И. Гоффмана. М. Фуко видит в тюрьме образ общества, которое озабочено надзором и наказанием. Тюрьма подчинена абсолютной власти, которая удушает в обществе всякие попытки к позитивным действиям. В заключенных видят только нарушителей порядка. Напротив, Олейник определяет тюрьму как лишенную всякой связи с большим обществом, но являющуюся при этом неотъемлемым элементом национального общества. Согласно подходу И. Гоффмана, тюрьма подчинена абсолютному контролю власти, находящейся внутри ее, и поэтому полностью отделена от внешнего мира, который, по крайней мере частично, отличается от мира тюрьмы. Наоборот, Олейник видит в тюрьме и в российском обществе социум, модернизация которого не завершена и который состоит из неупорядоченных элементов большого и маленького обществ. Тюрьма – это не столько уменьшенная модель общества, сколько идеальный тип маленького общества, характеризующийся минимальной степенью рационализации и функционирующий на основе примитивных принципов в том смысле, что они далеки от той степени рационализации и организации, которая наблюдается в больших обществах.

А. Турен ставит вопрос: позволит ли постсоветское государство, привыкшее ко вседозволенности и неограниченности власти, российскому обществу стать действительно автономным и обратиться к рациональным практикам организации повседневной жизни? И констатирует: «Сегодня это скорее мечта и разочарование в иллюзиях одновременно. Российское общество вместо того, чтобы становиться все более “большим”, становится все более “маленьким”» [4, с. 111].

Констатация А. Турена может быть усилена резюме основных результатов исследования А.Н. Олейника.

Современное российское общество – это общество незавершенной модернизации. Свойства тюремного сообщества дают возможность описать основные элементы постсоветского общества. Политический контекст современной России определяется родством между советской, тотальной, колониальной, и современной властью в России.

Россия – это страна, наиболее активно наказывающая граждан. В ней отсутствуют границы между частной и публичной жизнью. Тезис о российском коллективизме ложен. Персонифицированные отношения блокируют солидарность между индивидами. Иерархия и автономность тюремного сообщества определяются множеством неформальных категорий, основными из которых являются категории блатных, мужиков и шестерок. Тюремное сообщество – это амальгама традиционной и проектной сфер с явным преобладанием традиционных стандартов поведения.

Эти стандарты выражаются в росте числа и значения неформальных надсмотрщиков. Такой порядок существует до сих пор, несмотря на многократные кампании критики сталинского режима. Сталинский режим связан с генезисом лагерей принудительных работ и появлением института воров в законе. По причине важности административных ресурсов в тотальных институтах после войны были сняты ограничения на сотрудничество с тюремной администрацией. Этим объясняется организаторская роль воров в рамках тюремного сообщества. Она выразилась в росте института смотрящих как варианта бюрократической мобильности. Нелегальная и легальная власть в тюрьме обладает сходством.

В советскую эпоху большинство воров в законе были русскими или выходцами с Кавказа. В 1980-е гг. между ними вспыхнул конфликт относительно сферы соблюдения воровских законов. Выходцы с Кавказа предпочли связать воровские законы с нормальной жизнью и занятием административных должностей в тюремном сообществе. Особенно явным стало присутствие смотрящих с 1991–1994 гг. Этот момент важен для политического контекста современной России, поскольку он показывает подпочву тотальной бюрократизации Российского государства.

В настоящее время существует множество «конституций» повседневной жизни, а не одна конституция для всех членов тюремного сообщества и обычного общества. Значимость и действительная величина общества определяются принципами его организации и внутреннего функционирования, а не размерами населения. Внутритюремным насилием обычно управляют с помощью поиска козла отпущения, что противоречит принципам институционализации насилия. Насилие ни в легальных, ни в нелегальных формах в тюрьме полностью не институционализировано.

Чем меньше общество интересуется тюрьмой вообще и легальным и нелегальным насилием в тюрьме в частности, тем меньше расстояние, которое отделяет это общество от тюремного. Неадекватное восприятие насилия характерно не только для жизни в тюрьме, но и в постсоветском обществе в целом. В обоих надзиратели недооценивают перспективы эскалации конфликтов. Логика поиска козла отпущения объясняет специфику управления насилием. Тюремная модель восприятия и управления насилием остается верной в отношении постсоветского общества. Сродство тюремного сообщества и советского общества объясняется сходством принципов их социальной организации.

Массовые беспорядки возникают в результате нестабильного, непоследовательного и неэффективного руководства. Государству выгодно не вмешиваться в действия исполнительных органов, а их руководителям – отказаться от жесткого контроля за действиями рядовых исполнителей. Представители администрации воспроизводят модель малого общества и живут по понятиям тюремной субкультуры, с которой пытаются бороться. Подпольное производство обеспечивает представителей администрации дополнительными доходами от теневого «налогообложения» различных видов запрещенной деятельности. Слоган «мочить в сортире» точно отражает специфику борьбы без жалости и без правил.

Полная зависимость от власти, совмещенная с тотальным ее отторжением, является ключом к пониманию специфики функционирования тюремного мира и постсоветских обществ. Отсутствие нормативных рамок деятельности характерно для всех тотальных институтов. Беспредел – это цена, которую вынуждены платить все живущие в малом обществе за свою неспособность трансформировать его в большое. В итоге современное Российское государство, «...лишенное механизмов представительства и согласования интересов, не позволяет своим гражданам выйти за пределы воспроизводства “тюремной” модели. В сегодняшней России место институтов, обеспечивающих связь между интересами государства и повседневными интересами его граждан, остается незанятым» [3, с. 6].

Литература

1. Камкия Б.А. Политический контекст и проблема бюрократии: концептологический анализ. Ростов н/Д., 2015.

2. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Ч. 1. Ростов н/Д., 2013.

3. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.

4. Предисловие А. Турена к французскому изданию // Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.

References

1. Kamkiya B.A. Politicheskiy kontekst i problema byurokratii: kontseptologicheskiy analiz. Rostov n/D., 2015.

2. Makarenko V.P. Russkaya vlast' i byurokraticheskoe gosudarstvo. Ch. 1. Rostov n/D., 2013.

3. Oleynik A.N. Tyuremnaya subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoy zhizni do gosudarstvennoy vlasti. M., 2001.

4. Predislovie A. Turena k frantsuzskomu izdaniyu // Oleynik A.N. Tyuremnaya subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoy zhizni do gosudarstvennoy vlasti. M., 2001.